

Бакинская коммуна и ее армия: социалистические цели — националистические средства

Алексей Безугольный

Ключевые слова: английский фактор, армяно-азербайджанский конфликт, армянские национальные части, Бакинская коммуна, Бакинский совет, Бичерахов Л. Ф., геноцид, Денстервиль Л., Кавказская Красная армия, Корганов Г. Н., оборона Баку, Петров Г. К., турецкий фактор, Шаумян С. Г.

Драматическая история Бакинской коммуны была сознательно мифологизирована и искажена советской историографией и официальной пропагандой. Нельзя было говорить о причинах ее падения, поскольку причины эти крылись в той тонкой и сильно эрозированной почве, на которой пришлось произрастать коммунистической республике, а именно — в исключительно напряженной межэтнической обстановке в Закавказье, Азербайджане и Баку. Этнические мотивы против воли создателей Коммуны сопровождали и часто определяли всю ее короткую историю. Другой особенностью революционной практики коммунаров стала их беспринципная готовность сотрудничать с любыми политическими силами ради сохранения власти. В связи с этим нельзя не оценить сверхусилия советской историографии, сумевшей свести и первое, и второе — но прежде всего взрывоопасный этнический фактор — к случайностям и недоразумениям, в худшем случае — к «проискам» и «провокациям» всевозможных врагов.

Данная статья посвящена военной истории Бакинской коммуны. Собственно, всю ее историю составила война, а строительство боеспособной армии стало главной целью коммунаров, было для них вопросом жизни или смерти в прямом смысле слова. И «Кавказская Красная Армия» Бакинской коммуны впитала в себя весь хаос трагического 1918 года.

Алексей Юрьевич Безугольный, старший научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации, Москва, участник Школы молодого автора в 2003 году.

Революция с привкусом «национальной резни»

Межнациональное насилие пронизывало весь ход революции в Закавказье. Уже Февраль выпустил наружу джинна национализма. До осени 1917 года это выражалось в появлении многочисленных национальных комитетов, национализации войск Кавказского фронта, государственном размежевании и просто в обострении бытового национализма при одновременном ослаблении органов власти и развале фронта. Падение Временного правительства послужило сигналом для эскалации межнационального насилия. Уже в первые недели после октябрьского переворота в Муганской долине на юге Азербайджана разгорелся конфликт между русскими поселенцами и азербайджанским населением (именовавшимся тогда тюрками или татарами). Он вылился в многомесячное взаимное истребление. Особой жестокостью были отмечены так называемые шамхорские события 9–12 января 1918 года, когда тюрки несколько дней громили воинские эшелоны, возвращавшиеся с Кавказского фронта в Россию. Азербайджанцам удалось тогда захватить до 15 тыс. винтовок, до 70 пулеметов и 20 орудий. В ответ русские войска уничтожили десятки азербайджанских селений. С обеих сторон погибли тысячи людей¹. Резко обострились отношения между азербайджанцами и армянами, армянами и грузинами. Несколько тысяч вооруженных армян, покинувших фронт, скопились в Баку, но не могли отправиться на родину по территории Азербайджана. Баку и его окрестности дважды в 1918 году становились ареной страшной этнической резни: в марте азербайджанской, в сентябре армянской. Настоящий локальный геноцид русских, армян и горских евреев произошел весной 1918 года в Кубинском и Шемахинском уездах. Все это, помноженное на катастрофическую слабость раздираемых противоречиями между национальными советами новых органов власти — Закавказского комитета и сменившего его Закавказского сейма — и разлагающую, дезорганизующую деятельность большевиков, а также противников и недавних союзников России по мировой войне (при том, что каждая из указанных политических сил преследовала собственные цели), создавало исключительно благоприятную почву для разгула шовинизма, для этнических чисток, произвола и хаоса.

Другой ключевой фактор закавказского политического пространства в 1918 году — внешний. «Похабный» Брест-Литовский мир дорого обошелся советской России: она потеряла огромные территории, в том числе Батум, Карс и Ардаган, которые отошли к

Турции. Закавказский сейм не принял условий Брестского мира. Чтобы сделать закавказское правительство более сговорчивым, турки еще 12 февраля начали крупномасштабное наступление с рубежа Трабзон — оз. Ван по нескольким направлениям: на Эрзерум, Батум, Карс. Местному армянскому населению это грозило гибелью. По существу, только армяне и пытались организовать оборону. Уже в конце марта турецкие войска перешли государственную границу Российской империи 1914 года. 22 апреля 1918 года была юридически оформлена фактическая независимость Закавказья. Правительство выполняло одно требование турок за другим. 26 мая они потребовали пропуска турецких войск по всем железным дорогам Закавказья для проследования в район Баку, где «сотни тысяч тюрок и мусульман терпят... ярмо безжалостных бандитов, так называемых революционеров»². Грузины повели сепаратные переговоры с Германией о протекторате, азербайджанские мусаватисты не скрывали своих протурецких настроений.

Не имея возможности повлиять на ситуацию, Закавказский сейм сложил 26 мая свои полномочия. Были провозглашены независимые Грузинская, Азербайджанская и Армянская республики. Каждая из них самостоятельно выстраивала свою внешнюю политику. 4 июня они подписали с Турцией договоры «о мире и дружбе», условия которых были еще более кабальными, чем положения Брест-Литовского мира: Турция дополнительно получила Ахалкалакский и Ахалцикский уезды Грузии и большую часть Армении. Однако главный промышленный центр региона Баку остался вне сферы досягаемости турок. Их ближайший союзник — вновь образованная Азербайджанская Демократическая Республика — рассматривала Баку как свою столицу.

А в Баку еще 2(15) ноября 1917 года была провозглашена советская власть, и только здесь она смогла укрепиться. Один из крупнейших пролетарских городов бывшей имперской России принял эту власть сравнительно быстро и безболезненно. Среди городского пролетариата здесь преобладали русские и армяне. В основном русско-армянским по составу был и Бакинский совет. После перевыборов 12(25) декабря в него вошли 48 большевиков, 85 эсеров (в большинстве — левых, блокировавшихся с большевиками), 36 дашнаков, 18 мусаватистов, 13 меньшевиков. Среди большевиков и левых эсеров было много армян, председателем Совета был избран старый большевик армянин Степан Шаумян (рис. 1). Он же с 16 декабря был назначен Лениным чрезвычайным комиссаром СНК по



Рис. 1. Шаумян Степан Георгиевич (1918–1978), большевик, чрезвычайный комиссар СНК РСФСР по делам Кавказа, с апреля 1918 года — председатель Бакинского Совета Народных Комиссаров и комиссар по внешним делам

делам Кавказа. Между тем армяне значительно уступали по численности азербайджанскому населению: на 1 января 1916 года в Баку проживали 75 тыс. армян и 183 тыс. азербайджанцев, в Бакинской губернии их было соответственно 42 тыс. и 691 тыс.³ Налицо диспропорционально большое представительство армян в новых органах власти сравнительно с их долей во всем населении. В условиях уже существовавшей армяно-азербайджанской напряженности подобный дисбаланс был по существу губительным.

Бакинский совет оказался в полном одиночестве перед целым рядом противников: национальными советами и правительствами, турецкими, германскими и английскими войсками. Повсеместное вооружение и создание собственной армии стало тогда главнейшей целью любой власти в Закавказье. Еще при органе Временного правительства — Особом Закавказском комиссариате — под давлением национальных советов было принято решение национализировать части Кавказского фронта, чтобы «укрепить фронт» и «поднять боеспособность армии»⁴. Комиссариат, не признав большевистской революции, продолжил курс на национализацию армии. В Закавказье

начали перебрасывать кадровых солдат и офицеров местных национальностей⁵. Действенность этой сомнительной меры проверить не пришлось: октябрьский переворот окончательно уничтожил Кавказский фронт. Теперь зародышам национальных корпусов предстояло послужить основой для формирования новых национальных армий. Одновременно в процессе распада Кавказской армии и возвращения солдат домой регион наводило оружие. Оно покупалось, отбиралось силой, «национализировалось» вместе с арсеналами Кавказского фронта.

Бакинский совет не мог оставаться в стороне от всеобщей милитаризации. Красноармейские и красногвардейские отряды в Баку создавались при почти полной изоляции города от большевистского центра страны и Красной армии советской России. Революционным лидерам на местах приходилось действовать автономно. Первоначально отряд Красной гвардии Бакинского совета состоял лишь из 300–400 вооруженных рабочих, не имевших военной подготовки. Несколько бывших солдат выполняли командирские функции. Такое войско не могло быть серьезной силой.

Демобилизация старой армии, начавшаяся сразу после октябрьского переворота, значительно ускорила формирование вооруженных сил Коммуны. В ноябре после обнародования декрета о мире в Баку стали прибывать многочисленные части и одиночные солдаты. Сюда же в первых числах января 1918 года перебрался Военно-революционный комитет Кавказской армии — большевистский орган, альтернативный эсеро-меньшевистскому Краевому совету Кавказской армии. В распоряжении ВРК имелось до 6 тыс. солдат, ожидавших отправки на Северный Кавказ⁶. В Баку их в значительной мере удерживал страх повторения расправы над русскими солдатами, подобной той, что случилась на ст. Шамхор 9–12 января. Большевистский РВК сделал шамхорские события стержнем пропаганды против оборонцев — правых социалистических и национальных партий — обвинив их в провоцировании погромов под предлогом изъятия у солдат оружия⁷. В Баку РВК противостоял Совету, в котором большевики были в меньшинстве⁸.

Мусульманский национальный комитет располагал в Баку в начале 1918 года значительно меньшими силами. В октябре 1917 года в город прибыл Татарский полк Кавказской туземной конной дивизии, именовавшейся в просторечье «Дикой дивизией». То было едва ли не последнее соединение русской армии, оставшееся серьезной военной силой. Традиционный воинственный дух кавказских всадников, креп-

кие патриархально-семейные узы в частях, добровольный характер службы оградили «Дикую дивизию» от разложения, за что она быстро снискала репутацию «контрреволюционной». В середине сентября, после того как дивизия приняла участие в выступлении генерала Корнилова, туземные полки были отправлены «на отдых» на Кавказ и волей-неволей стали важными участниками революционных событий. Татарский полк был расквартирован в Баку и, по свидетельству начальника дивизии П. А. Половцова, вполне сохранял воинский вид⁹.

Поворотными стали события 30 марта — 1 апреля (18—21 марта по старому стилю) 1918 года. В советской литературе они именовались «подавлением мусаватского мятежа», тогда как на деле процесс установления в Баку советской власти более всего походил на кровавую межэтническую резню. Ожесточенный спор по поводу разрушения офицеров Татарского полка рабочими отрядами (преимущественно русско-армянскими по составу) перерос в открытые кровопролитные столкновения на улицах с применением артиллерии. На сторону большевиков в те дни стало много демобилизованных армян, находившихся в городе. Официально Бакинский совет поддержало и местное отделение партии «Дашнакцутюн».

По данным С. Шаумяна, на стороне Совета выступили 3—4 тысячи человек из числа армянских национальных частей; с обеих сторон в боях принимали участие более 20 тыс. человек¹⁰. Бомбардировки города большевистским флотом велись главным образом по мусульманским кварталам¹¹. В ходе боев и со стороны армян, и со стороны азербайджанцев было отмечено «много случаев зверств: не только убивали, но и надругивались над своими жертвами и те и другие»¹². По некоторым данным, только азербайджанцев в эти дни погибло свыше 12 тыс.¹³

Большевистские коммунары укрепили свою власть, но оказались в очень невыгодном положении: молва об их симпатиях к армянам быстро распространилась среди российских мусульман и сослужила дурную службу большевикам, боровшимся за власть в других мусульманских регионах, в частности на Северном Кавказе¹⁴. Представитель Бакинского совета в Астрахани С. М. Тер-Габриэлян был шокирован действиями своих коллег-революционеров¹⁵:

«Ни от одного русского, которые сейчас массаами выезжают из Баку, независимо от их социального положения, не услышишь о советской борьбе в Баку, все в один голос говорят — в Баку идет армяно-татарская резня, и что эта резня создана армянами».



Рис. 2. Микоян Анастас Иванович (1895–1978), большевик, летом 1918 года — комиссар 3-й бригады Кавказской Красной армии

Требовались объяснения, и лишь спустя две недели их в довольно путаной форме дал Шаумян. По его мнению, на «кавказской почве» гражданская война не исключала межнациональных столкновений. В письме в СНК от 13 апреля 1918 года он доносил, что участие в боях армянских национальных частей «придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но **избежать этого не было возможности. Мы сознательно шли на это**» (выделено мной. — А. Б.). Далее следовал лукавый словесный ход, призванный примирить классовую борьбу с национальным геноцидом: «Мусульманская беднота сильно пострадала, но она сейчас сплачивается вокруг большевиков и вокруг Совета»¹⁶. Столь же неуклюжую попытку развести национальную и классовую борьбу предпринял А. И. Микоян (рис. 2), один из руководителей военных отрядов Баксовета. В частном письме он отмечал¹⁷:

«Военные действия носили классовый характер, поскольку во главе с нашей стороны был Военно-революционный комитет. Однако неграмотная масса обывателей старалась придать всем этим событиям национальный характер... До воскресного дня партия “Дашнакцютюн” и Армянский национальный комитет объявили о своем нейтралитете. Но многие их солдаты не остались нейтральными, а активно участвовали в боях».

Спустя несколько дней, Шаумян, выступая на заседании Бакинского совета, уже не испытывал неудобств по поводу происшедшего: «Результаты показали, что мы не ошиблись. Национальный состав нашего города пугал нас. Мы боялись, что борьба примет нежелательную окраску. Нам даже пришлось прибегнуть к помощи армянского полка. Мы даже не могли допустить себе роскошь отказаться от его услуг... Победа настолько велика, что это мало омрачает действительность»¹⁸. Прояви большевики сдержанность и не пойдя они в атаку, «вся немусульманская часть населения была бы вырезана»¹⁹.

Несколько выправило положение решение Баксовета об освобождении из-под стражи всех захваченных в плен мусульман, в том числе и их лидера Бейбута Джеваншира. К тому же для соблюдения баланса сил азербайджанское население города не было разоружено.

Кавказская Красная армия

Первые успехи чрезвычайно вдохновили большевиков, немедленно перенесших свою деятельность в окрестные уезды. Здесь надо подчеркнуть, что начало 1918 года было самым романтическим временем большевистской революции, когда любые цели казались легко достижимыми, а трудности — временными и преодолимыми. 1 мая вновь образовавшийся Бакинский Совет Народных Комиссаров с удовлетворением отмечал, что «гражданская война продолжается и сейчас», а «передовые отряды наших товарищей из Красной Армии и Красной Гвардии» сражаются в Петровске, Шемахе, Ленкорани, Дербенте, Кубе, Сальянах и т. д. Один из таких отрядов наблюдал в Муганской долине русский офицер-пограничник В. А. Добрынин, давший ему весьма нелестную характеристику: «Красные части состояли главным образом из армян, беженцев, “товарищей” дезертиров и прочей бездомной и разнузданной рвани...»²⁰.

Широкая революционная экспансия требовала крепких вооруженных сил. Между тем русские части, прибывшие в Баку с ВРК

Кавказской армии, быстро таяли. К весне 1918 года исчезла сама армия, солдаты разбегались: подавляющее их большинство было политически индифферентно, не желало вступать в политическое противоборство и «стремилось во что бы то ни стало быстрее разойтись по домам»²¹.

15 апреля 1918 года было объявлено о создании Красной армии Бакинского совета или Кавказской Красной армии. В этот день ВРК постановил свести все отряды Красной гвардии, партийные дружины и прочие вооруженные группы в батальоны Красной армии. С этого же времени регулярно проводились принудительные мобилизации рабочих и солдат, была «объявлена регистрация всех офицеров на предмет их мобилизации в Красную Армию»²². Достаточно нейтральный свидетель событий кадет Б. Байков подчеркивает, что мобилизации велись среди «христианского» населения²³. 25 апреля был создан отраслевой руководящий орган — Бакинский Совет Народных Комиссаров. Председатель ВРК Георгий Корганов (рис. 3) стал в нем комиссаром по военным и морским делам.

Войска Бакинской коммуны представляли собой типичный пример совместного «революционного творчества масс» и большевистского актива. Формально к концу мая советские вооруженные силы в Баку состояли из 19 стрелковых батальонов, объединенных в четыре бригады. По разным данным они насчитывали от 13 до 18 тысяч красноармейцев при двух десятках орудий²⁴. В армию в полном составе были включены части формировавшегося армянского корпуса вместе с их командирами. Возглавили это войско бывшие полковники царской армии армяне Казаров, Аветисов, Амазасп. Армянские части почти полностью состояли из фронтовиков, служивших во время войны в иррегулярных армянских дружинах Кавказского фронта. В свое время они производили большое впечатление отличной новой экипировкой и особенно вооружением — длинными пистолетами системы «маузер» с деревянным прикладом для упора в плечо. В годы войны они стали «очень ценными помощниками казачьему отряду... К тому же они дрались фанатично, и ни турки, ни курды армян, как и армяне их, в плен не брали. Они уничтожали друг друга в бою безжалостно»²⁵. Весной 1918 года это было уже не то войско, однако оставалась надежда, что на фронте они проявят себя хорошо.

Нельзя сказать, что большевики **целенаправленно** отбирали в Красную армию армян, играя на их вражде к азербайджанцам и туркам. Скорее это был союз ради выживания. Б. Байков полагал, что в под-



Рис. 3. Крганов Григорий Николаевич (1886–1918), большевик, председатель Военно-революционного комитета Кавказской армии, с апреля 1918 года — комиссар по военноморским делам Бакинского Совета Народных Комиссаров

держке армянами большевиков решающую роль сыграло откровенно нетерпимое отношение к армянскому населению ведущей азербайджанской партии «Мусават». Он же объяснял причину популярности большевиков среди армян тем, что даже «правоверные кадеты» из числа армян считали, что «на Кавказе большевики делают “русское” дело»²⁶. Иными словами, большевики, как это ни парадоксально, воспринимались армянским (да и русским) населением как продолжатели царской политики с ее преференциями христианам. На пестром фоне противостоявших друг другу кавказских народов и интервентов большевистские силы выделялись значительным удельным весом армян и русских в своем составе. Традиционная роль русской армии как защитницы христианского населения Закавказья после развала Кавказского фронта осталась вакантной и ввиду полного отсутствия конкуренции досталась большевикам автоматически. Бакинские большевики сами вольно или невольно смешивали понятия «русский» и «советский»: «Единственное спасение Баку, — доносил в Москву коммунар Б. Шеболдаев (рис. 4), — это присылка немедлен-но не менее 4000 красноармейцев... надежных в смысле партийном и,



Рис. 4. Шеболдаев Борис Петрович (1895–1937),
большевик, заместитель наркома по военным и морским делам
Бакинского Совета Народных Комиссаров

в крайнем случае, в смысле крепкой **русской** советской ориентации»²⁷ (здесь и далее выделено мной. — А. Б.). В другом донесении представитель Бакинского Совнаркома пишет о большой силе «обаяния», «которое приобрели **русские** войска среди местного населения»²⁸ и т. д. То же самое признавали и в штабе Добровольческой армии: «Русское и армянское население города без различия партий стало на защиту города, как части единой России»²⁹. Начальник политической канцелярии Добровольческой армии полковник Д. Л. Чайковский особо обратил внимание на «старательно подчеркиваемый русско-государственный централизм» бакинских большевиков³⁰.

«Мы никогда не были доктринарами», — утверждал Шаумян. Он и вправду готов был «идти на некоторые уступки до некоторого предела», определявшегося интересами удержания Баку³¹. Большевики не стеснялись делать предложения о союзе любым силам, даже тем, кто позиционировал себя монархистами. Например, такое предложение получили защитники Муганской области — самой южной провинции Азербайджана, где компактно проживали русские переселенцы. Отряд «муганцев» состоял из русских пограничников под



Рис. 5. Джапаридзе Прокофий Апрасинович (Алеша) (1880–1918), большевик, председатель исполкома Бакинского совета, с апреля 1918 года — комиссар внутренних дел и комиссар продовольствия в Бакинском Совете Народных Комиссаров

командованием полковника Ильяшевича. Это была достаточно мощная сила — до 10 тыс. человек при 20 орудиях, 50 пулеметах, нескольких бронемашинах и даже со своей эскадрильей гидропланов³². Правда, как и другие части бывшей русской армии, он был в немалой степени затронут «митингами и сумлениями» солдат³³. Тем не менее он оставался вполне еще боеспособным и казался очень привлекательным для бакинских большевиков. Первоначально они оказали «муганцам» немалую помощь оружием и боеприпасами. К пограничникам приезжал один из руководителей коммуны Алеша Джапаридзе (рис. 5), который своей образованностью и манерами даже на чрезвычайно скептически настроенного к большевикам офицера В. А. Добрынина произвел впечатление человека «неглупого, самостоятельного и даже культурного». К «муганцам» Джапаридзе, имевший у большевиков репутацию «товарища несколько оппортунистического характера»³⁴, обращался «господа офицеры» и не возражал против ношения ими погон³⁵. Только географическая удаленность Мугани от Баку и разразившийся вскоре кризис ком-

муны помешали сложиться этому своеобразному союзу новой коммунистической армии и обломка старой.

В войсках Коммуны преобладали армяне, на их долю приходилось до 80% всего личного состава. Главнокомандующий Корганов докладывал Ленину, что это обстоятельство «неизбежно приводит в отдельных случаях к эксцессам, жестокостям и насилиям». Однако «с национализмом боремся непрерывно и уже многого добились», — продолжал он³⁶. Прежде всего «во имя торжества интернационализма» было предписано расформировать армянские национальные части и вливать армянских военнослужащих в Красную армию так сказать по одиночке. На деле этот план осуществлен не был, армянские части так и вошли в Кавказскую Красную армию в виде ее цельных структурных подразделений. Шаумян заявлял о развертывании в частях интернациональной пропаганды³⁷, однако за то короткое время, которое история отвела Бакинской коммуне, интернациональная воспитательная работа, как и дело насаждения твердой воинской дисциплины в целом, конечно, не могли дать заметных результатов. Само большевистское руководство, очевидно, относилось к внедрению интернационализма в сознание красноармейцев как к работе на перспективу. В рамках же «текущего момента» гораздо более действенной выглядела ставка на вражду между армянами и мусульманами. Вот как Шаумян обосновывал необходимость скорейшего выступления Красной армии: «Нужно торопиться в Елизаветполь, — сообщал он в Москву 24 мая, — чтобы там, а затем и дальше вызвать восстание армян. Это повлияет на грузинское крестьянство, и сейм будет разогнан»³⁸. Как видим, от классовый борьбы в этих доводах не осталось и следа. В выступлении 29 мая он развил свою мысль, переложив ответственность за возможные межнациональные столкновения не только на «ханов и беков», но фактически и на все азербайджанское крестьянство³⁹:

«Если первое время (имеется в виду начало наступления войск Красной Армии. — А. Б.) ханам и бекам удастся сбить с толку мусульманское крестьянство... первые столкновения могут принять национальный характер, и если в Елизаветпольской губернии произойдут печальные столкновения армян и татар, если, может быть, это и неизбежно, то это не должно нас пугать, ибо это будет лишь временным явлением».

Впрочем, мусульманское крестьянство «скоро очнется и не даст возможности развиться армяно-татарской резне, подобно тому, как это было в Баку»⁴⁰.

Целью похода, начавшегося 10 июня и оказавшегося роковым для Коммуны, был Елизаветполь (Гянджа). В этом городе обосновалось мусаватское правительство Азербайджана, здесь же 28 мая была провозглашена независимая Азербайджанская Демократическая Республика. Формирование Кавказской Красной армии на тот момент еще не было закончено, но, по мнению большевиков, медлить было нельзя, поскольку турки уже приступили к сосредоточению сил для наступления на Баку, и надо было их опередить⁴¹. Действительно, с 25 мая в Елизаветполь стали прибывать части 5-й, затем 15-й турецких дивизий. Они вошли в формировавшуюся Кавказскую исламскую армию. В нее же был включен Особый Азербайджанский корпус генерала А. А. Шихлинского. В Елизаветполе располагался штаб турецкого командующего Нури-Паши. Общая численность турецких частей на западе Азербайджана к середине июля достигла 15 тыс., азербайджанских — 5 тыс. человек⁴².

Другая причина столь форсированного наступления Красной Армии заключалась в том, что коммунары рассчитывали опередить противника в привлечении на свою сторону азербайджанского крестьянства, контакты с которым до «выхода» из города никак не удавалось наладить. В частности, прошедший 26 мая съезд крестьянских депутатов Бакинского уезда провалился из-за их прочных националистических настроений и полного непонимания ими идеи классовой борьбы.

Наконец, в Баку начался «форменный голод». Он сильно пошатнул положение большевиков, не сумевших наладить в Баку хозяйственную жизнь, и дал козырь в пропаганде правым социалистам, которые не преминули прибегнуть к «недостойному приему — пользоваться озлоблением голодных людей»⁴³. Успешная война могла компенсировать нарушение рыночного обмена. В. Добрынин в свойственной ему резкой манере резюмировал замыслы большевиков: стремление «укрепить свою власть, избавить себя от бушующей в Баку вооруженной и преступной черни и как-то раздобыть хлеба...». «Реквизициями и грабежами» они надеялись «прокормить огромный город»⁴⁴.

Первоначально большевикам противостояли «нерегулярные войска грузин, мусаватские татары и банды дагестанцев в форме нашей пехоты»⁴⁵. Особенно ожесточенные бои велись на территории Шемахинского и Геокчайского уездов, населенных преимущественно тюрками. Русское и армянское меньшинства этих уездов помогали большевикам. Красная армия нанесла противнику ряд поражений.

16–18 июня в боях под Геокчаем он потерял по разным данным от 800 до 3 тыс. человек. Бакинскому совету представлялось, что победа близка, а Кавказская Красная армия, благодаря присутствию в ней армянских дружин, приближается к недостижимому, казалось бы, идеалу — к стандарту настоящей регулярной армии⁴⁶. Поэтому Шаумян так уверенно писал Ленину 23 июня о необходимости двигаться на Тифлис, о вреде «простоя» для войск Коммуны⁴⁷.

Однако наступательный порыв новой армии, терзаемой жарой, жаждой, малярией, голодом и нехваткой боеприпасов, быстро иссяк. В конце июня в бой вступили турецкие части. Они получили солидное подкрепление⁴⁸, тогда как Красная армия смогла пополниться лишь двумя тысячами человек, призванных по мобилизации. 27 июня — 1 июля в боях под тем же Геокчаем бакинское войско было разбито и стало беспорядочно отступать. В. Добрынин отмечал «полную дезорганизованность, совершенное отсутствие порядка и дисциплины и повальное потрясающее дезертирство» в красных частях⁴⁹. Командир одного из батальонов, в конце концов изгнанный за нежелание отступать, доносил в Бакинский Совнарком⁵⁰:

«Касаясь дисциплины во вверенном мне отряде, я должен констатировать... что сознательного и разумного отношения к своим обязанностям не было. Неповиновение командному составу, подчас переходившее в грубые реплики и ругань по адресу инструкторов, неисполнение часто простых боевых задач... мародерство, изнасилование женщин, подчас молодых подростков... Из 700 штыков, находящихся в моем распоряжении, только 300 человек были в окопах, остальные спрятались в ближайшей деревне и на пароходах. И мне, начальнику, вместо того, чтобы отдавать те или иные распоряжения, приходилось бегать по пароходам и собирать солдат для отправки в окопы».

Красная армия фактически развалилась и в беспорядке откатывалась к Баку. Хотя во главе ее бессменно стоял военный комиссар большевик Корганов, его товарищи по партии склонны были всю вину возлагать на командиров старой армии — на дашнаков Амазаспа, Казарова и главнокомандующего Аветисова, слишком поспешно отводивших войска. Об этом вспоминал, в частности, А. И. Микоян, бывший тогда комиссаром 3-й бригады, отступавшей, быть может, чуть медленнее, чем того требовали военные руководители⁵¹. Советской историографии версия о предательстве дашнаков позволила без труда объяснить причины падения Коммуны.

В действительности отличительной особенностью Красной армии Бакинской коммуны была бесконечная митинговщина, сопровождавшая каждое действие войск. Байков отмечал, что «в войсках дисциплины не было никакой и таковая заменялась революционным сознанием», по любому поводу выведившим солдат на собрание⁵². Митинговали даже в критические моменты, когда решалась судьба самой коммуны. По любому вопросу созывались партийные конференции, съезды, митинги и совещания. Впрочем, это было повсеместным явлением в нарождавшейся коммунистической армии. Муганский офицер В. Добрынин с негодованием замечал, что «митинговать, сумлеваться и выражать недоверие офицерам было гораздо... легче, чем, обняв винтовку, лежать под пулями в грязном окопе»⁵³. Так, 25 июля, когда на линии фронта практически не оставалось бойцов, в заседании Бакинского совета принимали участие 500 человек только тех, кто голосовал! Закончились митинги лишь с гибелью самой Коммуны: 4 августа состоялась последняя «партийная конференция».

В то же время в том, что поначалу составляло силу Красной армии, таилась и ее слабость. Армянские солдаты-фронтовики и офицеры, добровольно вставшие на сторону большевиков из чувства самосохранения, по той же причине стали искать себе иных покровителей, как только положение коммуны пошатнулось. «Командный состав плох, — писал еще в конце июня заместитель комиссара по военным и морским делам Б. Шеболдаев, — и опорой советской власти может быть только до тех пор, пока дашнаки имеют “русскую ориентацию”... Возможна перемена ориентации на английскую и тогда... могут быть любые неожиданности...»⁵⁴. Именно депутаты-армяне продавили в конце июля в Бакинском совете решение о приглашении в Баку английских войск, чем «окончательно деморализовали армию»⁵⁵. «Предательство по отношению к нам дашнаки совершили явное», — сокрушался Шаумян⁵⁶.

Шаумян неустанно просил Центр о помощи, однако получил ее всего один раз, когда в Баку был отправлен отряд под командованием бывшего полковника русской армии Г. К. Петрова. Первоначально он состоял из шести полков и представлял собой внушительную силу. Но по пути руководитель обороны Царицына И. Сталин «изъял» его большую часть. До Баку добрались лишь один эскадрон в 100–120 сабель, одна батарея из шести орудий, рота моряков и команда конных разведчиков — всего 780 человек⁵⁷. По воспоминаниям секретаря Шаумяна О. Г. Шатуновской⁵⁸, правда, обнаруженным

более чем через 70 лет после событий, в Царицыне осталась вся пехота отряда Петрова общим числом 7240 человек.

Даже в таком урезанном виде отряд Петрова стал самой боеспособной единицей Кавказской Красной армии и не раз фактически в одиночку спасал город. При этом Петров — человек молодой и горячий, успевший повоевать на нескольких фронтах Гражданской войны и даже покомандовать армией, — «держал себя самостийником и наши товарищи его нередко опасались... В блоке с [Армянским] Национальным Советом ему бы ничего не стоило свернуть шею советской власти»⁵⁹. К тому же из центра он приехал в должности «чрезвычайного военного комиссара по делам Кавказа» и считал себя если не выше Шаумяна, то, по крайней мере, равным ему. Он был типичным представителем «партизанщины» — первого, стихийного этапа строительства новой революционной армии. «Шаумяну приходилось очень сдерживать себя» в общении с Петровым⁶⁰.

Последняя надежда Коммуны и ее крах

Последней надеждой большевиков и, пожалуй, самым экзотическим союзником Коммуны стал казачий отряд полковника Л. Ф. Бичерахова — осколок бывшего экспедиционного Кавказского кавалерийского корпуса генерала Н. Н. Баратова. По разным данным в отряде было от 15 до 18 сотен терских и кубанских казаков, несколько батарей, аэропланов и броневиков⁶¹. Деньги и вооружение, в том числе тяжелое, Бичерахов получал от англичан, склонивших его к службе в конце марта 1918 года⁶². Руководитель английской миссии в Северной Персии генерал-майор Л. Ч. Денстервиль только Бичерахову был обязан сохранением контроля над этим регионом в первой половине 1918 года, когда англичане имели здесь лишь «несколько офицеров, несколько броневиков и сколько угодно денег»⁶³. Со своей стороны англичане вынуждены были взять на содержание казачий отряд, находившийся, как и прочие русские части, в бедственном положении. «Союзническая» поддержка позволила сохранить отряд полковника Бичерахова как крепкую боевую единицу, в то время как остальные части экспедиционного корпуса генерала Баратова покидали Персию в полном беспорядке. Отряд Бичерахова был, пожалуй, последней русской частью, предпринявший наступление на фронте Первой мировой войны. В ноябре 1917 года он участвовал в наступлении англичан на турецкие позиции со стороны Персии.

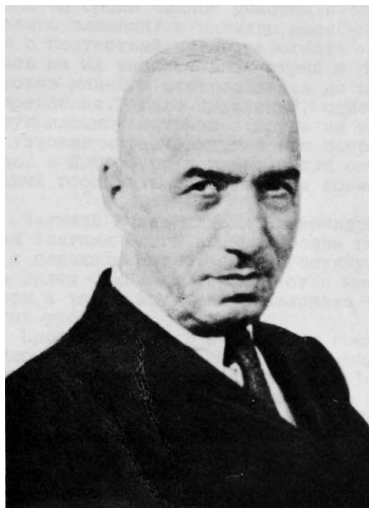


Рис. 6. Бичерахов Лазарь Федорович (1882–1952), полковник Терского казачьего войска, в первой половине 1918 года — командир экспедиционного казачьего отряда

По мнению Денстервиля, «его (Бичерахова. — А. Б.) часть была единственной, имевшей еще какое-то уважение к закону и порядку»⁶⁴. При этом, однако, очевидцев поражал неповторимый колорит бичераховского войска: «совершенно неправдоподобный грязный вид», настроения казачьей вольницы и пьянство⁶⁵. Есть в нашем распоряжении свидетельства и такого рода⁶⁶:

«Развращенные высокими окладами, полной безнаказанностью, отсутствием дисциплины... бездельем, обеспеченным возможностью широко пользоваться услугами голодающих персов, солдаты лихо скачут со стрельбой и употреблением холодного оружия по улицам и даже понятное стремление домой... совершенно незаметно и в разговорах отсутствует».

Православный осетин Лазарь Бичерахов (рис. 6) был храбрым боевым офицером. В молодости за какой-то проступок он был исключен судом чести из списков 1-го Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска⁶⁷. В дальнейшем он руководил отдельными отрядами своего имени. Экзальтированная, харизматическая личность, инвалид, опиравшийся на трость, служившую ему оружием

в бою, Бичерахов обладал огромным авторитетом среди своих казаков. Свидетели отмечали манеру чуть ли не всех офицеров отрядов ходить, как это делал командир, опираясь на палку, и подобно ему подавать для приветствия левую руку⁶⁸. В то же время Бичерахов был искренним русским патриотом, о чем свидетельствует телеграмма, отправленная им генералу Баратову 28 ноября 1917 года⁶⁹:

«Я решил: 1) остаться на фронте; 2) продолжать воевать; 3) не участвовать в перемирии; 4) считать все переговоры предательскими... Это решение мое и я один отвечаю за него перед Россией».

Бичерахов не стяжал английские деньги, а честно тратил их на нужды своего отряда, что с некоторым удивлением отмечал Денстервиль⁷⁰. Имея филантропические наклонности, он впоследствии пожертвовал бóльшую часть средств различным русским общественным организациям на Кавказе, а уезжая в эмиграцию, раздал в Баку все деньги, в Лондон отправился почти без средств и там гордо отказался от помощи королевского дома⁷¹.

Жестокая необходимость заставила бакинских большевиков сблизиться с Бичераховым. Первым контакт с ним установил Военно-революционный комитет в Энзели — своего рода передовой отряд Бакинского Совнаркома в Северной Персии. Председатель комитета А. Челяпин характеризовал Бичерахова как «очень умного, тонкого дипломата... Что-либо заподозрить в его словах невозможно»⁷², ему «нужно довериться»⁷³. Шаумян в донесениях в Москву также повторял: «Все, кого я уполномочивал вести с ними переговоры, и лица, многие годы знающие его и знакомые с его отрядом, — все уверяли в его порядочности и [в] том, что мы без всяких колебаний должны принять его услуги»⁷⁴. Большевики склонялись к сотрудничеству с Бичераховым, так как до крайности нуждались в способном командующем для своей армии. Еще 24 мая Шаумян писал в СНК⁷⁵:

«Нет командного состава, не можем найти даже командующего войсками, которые должны быть двинуты к Елизаветполю. При этих условиях очень остро стоит вопрос о Бичерахове, о котором я уже несколько раз писал вам».

Советское правительство смущала чрезвычайно тесная связь Бичерахова с англичанами. Как бы то ни было в мае договориться с ним не удалось. Не исключено, что если бы июньское наступление

возглавлялось Бичераховым, а не коллегией армянских полковников, судьба Коммуны сложилась бы иначе. Другое дело, что Коммуна не смогла бы платить бичераховским казакам золотом, как то делал генерал Денстервиль. Возможно, что именно это обстоятельство затянуло переговоры и Бичерахов прибыл в Баку слишком поздно, хотя сама договоренность была достигнута в июне, когда наступательная операция Кавказской Красной армии могла еще считаться успешной и когда отряд Бичерахова предполагалось использовать для действий на тифлисском направлении, где он мог бы принести пользу, «поднимая по пути горцев, в частности, осетин». Бичерахова этот план «очень воодушевляет», так как «он говорит своему отряду: мы идем домой через Тифлис по Военно-Грузинской дороге»⁷⁶. Шаумян рапортовал Ленину: «Отряд Бичерахова... вошел в состав Бакинской советской армии, спешит на помощь бакинцам»⁷⁷. В публичных выступлениях глава Коммуны подчеркивал, что по своему составу отряд русский и это соответствует общей цели сохранения независимости России и Баку⁷⁸.

Именно «желанием добраться до Кавказа» генерал Денстервиль объяснял решение Бичерахова «сделаться большевиком»⁷⁹. Тактический союз с большевиками не предполагал перехода Бичерахова на сторону революции. Его казаки по-своему восприняли революционные идеи — лишь в той части, которая уравнивала их в правах с офицерами и давала им возможность оспаривать приказы. В целом же они оставались равнодушными к политике, а попытки выяснить их взгляды на советскую власть терпели крах «благодаря отсутствию таковых». «Отряд безнадежно не мыслит», — заключал бакинский разведчик С. Буданцев⁸⁰. Красноармейцев казаки презирали за их неприглядный внешний вид, называли «красными индусами», по отношению к ним «считая себя в положении англичан»⁸¹. В то же время казаки, наконец, захотели домой и предпочитали добраться до Северного Кавказа организованной силой, чтобы избежать грабежей, поскольку, как заметил Челяпин, они «имеют при себе приличные деньжонки и много имущества»⁸².

В первых числах июля отряд Бичерахова высадился южнее Баку и занял правый фланг обороны города. Красная армия пятилась назад, бои велись уже на ближних подступах. Бичерахов принял должность Главнокомандующего войсками Красной армии, но руководство центром и левым флангом фронта Корганов оставил за собой. Положение к этому времени стало критическим. Большевики возлагали на Бичерахова большие надежды и раздавали ему

щедрые авансы в хвалебных статьях, утверждавших, что одно только прибытие казаков на фронт настолько взбодрило красные войска, что они повсеместно готовы перейти в наступление⁸³. Однако отношения между красноармейцами и казаками не сложились: последние были возмущены тем, что первые нередко покидают поле боя без единого выстрела. По мнению Денстервиля, только благодаря отряду Бичерахова в течение июля удавалось удерживать фронт.

В городе царили панические настроения. Как уже упоминалось, 25 июля было созвано расширенное чрезвычайное заседание Баксовета, на котором, кроме его членов, присутствовали члены районных советов, судебных комитетов, представители Центрокаспия и других организаций — всего 500 человек. Стенограмма заседания (полностью опубликована всего один раз, в 1929 году⁸⁴) свидетельствует о чрезвычайном накале страстей. Главным на заседании стал вопрос о приглашении в Баку английских войск в связи с критическим положением на фронте. Правые социалисты и дашнаки открыто признавали, что в первую очередь заботятся о физическом выживании армянского населения города. Один из лидеров партии «Дашнакцутюн» Аракелян заявил буквально следующее:

«Когда с одной стороны у нас английские войска, а с другой германские и турецкие, мы берем меньшее зло, то есть решаемся пригласить англичан. Мы знаем, что если допустить сюда турецкую армию, то здесь будет поголовная резня»⁸⁵.

Большевики выступали резко против, уверяя присутствующих, что помощь из Центра уже близка, да и своих сил достаточно, чтобы справиться с противником. Корганов сознательно преуменьшал силы врагов, утверждая, что у тех отсутствует артиллерия и потому перевес на стороне Коммуны⁸⁶. «Я говорю вам: не зовите англичан, потому что вы погубите советскую власть, оторвете Баку от России, и эта ошибка будет непоправима», — взывал А. Джапаридзе⁸⁷.

На заседании выступили и военные руководители — Бичерахов и Аветисов. Бичерахов сказал, что армия «деморализована, устала и утомлена» и что «если считать не находящихся на котле, а действительно воюющих», то на его правом фланге из 3,5 тыс. человек в расчет можно брать только тысячу⁸⁸. Что до сил противника, то только на своем участке фронта Бичерахов насчитал восемь орудий. Тем не менее он поддержал большевиков, заявив, что можно обойтись собственными силами, — но при условии немедленной присылки не менее 5,5 тыс. хорошо обученных солдат⁸⁹. Видимо, он также был

введен в заблуждение большевистскими лидерами, поскольку на самом-то деле прибытия подкрепления не ожидалось.

После долгой дискуссии правые социалисты и дашнаки все же провели небольшим большинством решение о приглашении в город английского войска. В ответ большевики сложили с себя полномочия в Бакинском Совнаркоме. Но, хотя они и пользовались сочувствием городского пролетариата, на прошедших в последующие дни митингах предложенная ими резолюция против англичан собрала лишь несколько подписей⁹⁰. Обывателю прибытие войск союзников казалось спасительным⁹¹:

«Решение о приглашении англичан вполне соответствовало настроению всех слоев населения... Слишком реальна была угроза смерти под кинжалами турецко-мусаватских банд, слишком мало было уверенности в том, что Советская Россия сможет перебросить достаточные силы, и, наконец, слишком соблазнительна была помощь англичан».

Баку был оставлен большевиками 1 августа. Напоследок они огласили воззвание к бакинским рабочим. В нем говорилось, что теперь борьба ведется между двумя империалистическими блоками, «одинаково враждебными рабоче-крестьянской Советской власти». Сражаться бок о бок с английскими солдатами они не считали возможным. Большевики явно были в обиде на бакинский пролетариат, который «находится в заблуждении». «С болью в сердце и с проклятиями на устах, приехавшие сюда, чтобы сражаться и умирать вместе с бакинскими рабочими за Советскую власть», большевики заявляли, что «вынуждены покинуть Баку» (хотя их никто не изгонял) и выражали надежду, что бакинский пролетариат одумается «и вновь свяжется» с партией⁹².

Между тем от энзелийского ревкома бакинские большевики точно знали о крайней малочисленности английских войск⁹³. Английскому командованию пришлось разбросать наличные силы по всей Северной Персии, поскольку здесь назревало национально-освободительное движение Кучук-хана. Баку был обречен, ничто уже не могло его спасти. Скорее всего, именно знание этого сыграло главную роль при принятии большевиками решения о сложении с себя полномочий и эвакуации в Астрахань, тогда как заявленные публично принципиальные соображения о невозможности сотрудничества с иностранными интервентами вряд ли следует принимать всерьез. Как и другим **национальным** политическим силам в Баку, большевикам не

был присущ идейный догматизм; при определенных условиях они, возможно, приняли бы английскую помощь. Во всяком случае, контакт с генералом Денстервилем через Энзели у них был. Другое дело, что при всей своей автономности коммунарны находились в зависимости от Центра. Например, приглашение Бичерахова было согласовано с Лениным и Сталиным. А Центр принимать английскую помощь им категорически запретил — и, если бы они ослушались, скорее всего, прекратил бы поставки вооружений и продовольствия из России.

Власть в городе подхватила «Диктатура Центрокаспия» — весьма аморфная политическая структура, взявшая курс на сотрудничество с англичанами. Положение, несмотря на решение о вводе английских войск и самоустранение большевиков, лишь ухудшилось: большевики сняли свои части с фронта и готовились к эвакуации. Следом под предлогом отсутствия обмундирования фронт покинули до 3 тыс. человек из армянских частей. Наконец и Бичерахов решил «порвать все связи с этими негодными войсками» и 30 июля отошел сначала на ст. Баладжары, а затем двинулся на Дербент. Генерал Денстервиль выдвинул версию (ничем, впрочем, не подтвержденную), будто бы этот шаг был продиктован поступившей к Бичерахову информацией о том, что большевики решили выдать его туркам в обмен на перемирие⁹⁴.

Советские историки разделили ответственность за падение Баку между армянским командованием и Бичераховым. В уходе последнего увидели предательство, заранее спланированное совместно с англичанами, дабы облегчить тем захват Баку⁹⁵. Однако беглый взгляд на дальнейшие события показывает, что англичане не смогли удержаться в Баку именно вследствие ухода Бичерахова по недостатку собственных сил. Бичерахов обманул и их ожидания, а не только ожидания большевиков. Генерал Денстервиль, привыкший опираться на него как на свою «единственную надежду», и в данном случае рассчитывал: «как он только там утвердится, то дело будет в шляпе»⁹⁶. Он намекал на некое соглашение между ним и Бичераховым, на которое возлагал большие надежды⁹⁷.

Через несколько дней после отплытия в Астрахань большевистские пароходы были возвращены в город моряками Центрокаспия. Большевики не были арестованы: невозможно взять под стражу массу вооруженных людей. Просто им предлагалось разделить общую судьбу бакинцев. До 14 августа они просидели трехтысячным военным лагерем на Петровской площади. Отряд Петрова еще раз вступил в бой в критический момент 5 августа, когда турки уже было ворва-



Рис. 7. Перенесение останков 26 Бакинских комиссаров.
Баку, сентябрь 1920 года

лись в Баку через господствовавшие над городом Волчьи ворота. Большевики выкатили на Петровскую площадь батарею и открыли огонь по району Волчьих ворот, чем вызвали необъяснимую панику в турецких рядах, отхлынувших от Баку сразу на целый дневной переход. Уже ожидавшие скорой расправы деятели Центрокаспия прислали к Петрову депутацию с благодарностями. Однако это не улучшило их отношений с большевиками. При повторной попытке отбыть в Астрахань большевистские комиссары в порядке «дружественной» акции были выданы англичанам и закаспийскому временному правительству. Все они, в том числе полковник Петров, были бессудно расстреляны 20 сентября близ Красноводска, положив своей смертью начало одной из самых ярких легенд Гражданской войны (рис. 7).

Английские войска начали высаживаться в Баку 4 августа, но их численность не превысила 900 штыков; они значительно уступали осадившим город туркам. Между английским командованием и деятелями Центрокаспия начались долгие препирательства по поводу организации обороны. 14 сентября, не дожидаясь турецкого штурма, англичане эвакуировались. Генерал Денстервиль цинично прокомментировал ситуацию:

«Положение вещей в Закавказье уже давно безнадежно. Они должны продолжать убивать друг друга, пока не придут в изнеможение, а тогда мы, может быть, сумеем навести там порядки»⁹⁸.

Худшие опасения армян полностью оправдались. Вступив в Баку, турки и азербайджанцы зверски уничтожили все армянское население города — около 30 тыс. человек, отомстив тем самым за «мартовские дни».

Красная армия вернулась в Баку 27 апреля 1920 года. То была уже совершенно другая армия — регулярная, дисциплинированная, опытная. Азербайджанское правительство не могло оказать ей ни малейшего сопротивления и без боя сложило свои полномочия. Трагический опыт Бакинской коммуны по ведению военных действий в условиях напряженных межнациональных отношений был учтен руководством советских войск в ходе покорения Закавказья в 1920—1921 годах. Это позволило избежать новых серьезных вспышек межнационального насилия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Верещак С. И.* О революции в Закавказье и о роли советов в ней // 1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 420.

² Цит. по: *Кадиев А. Б.* Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 58.

³ *Мустафа-заде Р. С.* Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918—1922 гг. М., 2006. С. 24, 26.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 157. Л. 246—247об.

⁵ Там же. Л. 241.

⁶ *Шаумян С. Г.* Из письма Совету Народных Комиссаров. 13 апреля 1918 г. // Избранные произведения. В 2 тт. М., 1958. Т. 2. С. 209.

⁷ *Меликян Г. С.* Октябрьская революция и Кавказская армия. Ереван, 1989. С. 387—388.

⁸ *Шаумян С.* Письмо И. В. Сталину. 3 марта 1918 г. // Письма. 1896—1918. Ереван, 1959. С. 165.

⁹ *Половцов П. А.* Дни затмения (Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в 1917 г.). Paris, 1922. С. 199.

¹⁰ *Шаумян С. Г.* Из письма Совету Народных Комиссаров. 13 апреля 1918 г. // Избранные произведения. Т. 2. С. 209.

¹¹ *Байков Б.* Воспоминания о революции в Закавказье // Архив русской революции. Т. 9. М., 1993. С. 121—122.

¹² Там же. С. 123.

- ¹³ *Мустафа-заде Р. С.* Указ. соч. С. 27.
- ¹⁴ *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.) М., 2004. С. 497.
- ¹⁵ *Шаумян Сур.* Бакинская коммуна. Баку, 1928. С. 17–18.
- ¹⁶ *Шаумян С. Г.* Из письма Совету Народных Комиссаров. 13 апреля 1918 г. // Избранные произведения. Т. 2. С. 209.
- ¹⁷ *Микоян А. И.* Так было. М., 1999. С. 63.
- ¹⁸ *Шаумян С. Г.* Текущий момент и организация власти. Речь на заседании Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов 19 апреля 1918 г. // Избранные произведения. Т. 2. С. 213–214.
- ¹⁹ *Шаумян С. Г.* К вопросу о власти в Закавказье. Доклад на конференции промыслово-заводских комитетов 16 мая 1918 г. // Там же. С. 231.
- ²⁰ *Добрынин В. А.* Оборона Мугани. 1918–1919. Париж, 1974. С. 46.
- ²¹ *Базанов С. Н.* Борьба за власть в действующей Российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 141.
- ²² *Лишин Н. Н.* На Каспийском море. Год белой борьбы. Прага, 1938. С. 9.
- ²³ *Байков Б.* Указ соч. С. 127.
- ²⁴ *Кадिशев А. Б.* Указ. соч. С. 105; *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 60.
- ²⁵ *Елисеев Ф. И.* Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001. С. 85–86.
- ²⁶ *Байков Б.* Указ соч. С. 122.
- ²⁷ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.) Сб. док. В 4 тт. М., 1971. Т. 1. С. 288.
- ²⁸ Там же. С. 288, 291.
- ²⁹ Архив Ин-та военной истории Министерства обороны РФ. Ф. 217. Оп. 259. Д. 109. Л. 123.
- ³⁰ Там же. Л. 170об.
- ³¹ *Шаумян С. Г.* Вопрос о «третьей силе» // Статьи и речи. 1917–1918. Баку, 1926. С. 229.
- ³² *Добрынин В. А.* Оборона Мугани... С. 65.
- ³³ Там же. С. 14.
- ³⁴ *Шаумян Сур.* Бакинская коммуна... С. 20–21.
- ³⁵ *Добрынин В. А.* Указ. соч. С. 14, 49.
- ³⁶ Из истории гражданской войны в СССР. 1918–1922 гг. В 3-х тт. Т. 1. М., 1957. С. 554.
- ³⁷ «Пусть скажет кто-нибудь, что наш военный руководитель в каждый отряд не посылал специального комиссара, который должен был удержать солдат, чтобы они не обижали мусульманского населения, чтобы не было мародерств и убийств мусульманской бедноты». Цит. по: *Шаумян Сур.* Указ. соч. С. 72.
- ³⁸ Из истории гражданской войны... Т. 1. С. 558.
- ³⁹ *Шаумян С. Г.* О политике Сейма и положении Закавказья: Речь на торжественном заседании Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов совместно со съездом Советов крестьянских депутатов Бакинского уезда 29 мая 1918 г. // Избранные произведения. Т. 2. С. 267.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Шаумян С. Г.* В Совет Народных Комиссаров. 24 мая 1918 г. // Избранные произведения. Т. 2. С. 246–248.
- ⁴² *Мустафа-заде Р. С.* Две республики... С. 36.
- ⁴³ *Шаумян С. Г.* К вопросу о власти в Закавказье... С. 229.

- ⁴⁴ *Добрынин В. А.* Указ. соч. С. 47.
- ⁴⁵ *Шаумян С.* Телеграмма из Баку С. Г. Шаумяна и Г. Н. Корганова В. И. Ленину в Москву и И. В. Сталину в Царицын. 20 июня 1918 г. // Письма... С. 97.
- ⁴⁶ «Общее впечатление от армии людей, сведущих в военном деле, что это не обычная “советская” армия — в лучшем случае партизанские отряды, а настоящее регулярное войско. Все товарищи, приезжающие из России, выражают восторги, знакомясь с нею. И пока что эта армия ведет себя великолепно». Цит. по: Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане, 1917–1918 гг. Сб. док. Баку, 1957. С. 518–519.
- ⁴⁷ *Шаумян С.* Письмо В. И. Ленину. 23 июня 1918 г. // Письма... С. 102–103.
- ⁴⁸ *Стеклов А.* Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928. С. 6–8.
- ⁴⁹ *Добрынин В. А.* Оборона Мугани... С. 50.
- ⁵⁰ *Шаумян Сур.* Бакинская коммуна... С. 35.
- ⁵¹ *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 66–72.
- ⁵² *Байков Б.* Указ. соч. С. 128.
- ⁵³ *Добрынин В. А.* Указ. соч. С. 14.
- ⁵⁴ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане... С. 523–526.
- ⁵⁵ Из истории Гражданской войны... С. 570.
- ⁵⁶ Там же. 560–561.
- ⁵⁷ *Шаумян Сур.* Указ. соч. С. 29; Большевики в борьбе... С. 566.
- ⁵⁸ Постоянный адрес: <http://26.design-site.ru/Equation3.doc>. Последнее посещение 2 августа 2006 года.
- ⁵⁹ *Шаумян Сур.* Указ. соч. С. 45.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ *Кадисев А. Б.* Интервенция и Гражданская война в Закавказье... С. 117; *Лишин Н. Н.* На Каспийском море... С. 65.
- ⁶² *Денстервиль Л.* Британский империализм в Баку и Персии, 1917–1918. (Воспоминания). Баку, 1925. С. 66–67.
- ⁶³ Там же. С. 105–107.
- ⁶⁴ Там же. С. 52.
- ⁶⁵ *Лишин Н. Н.* Указ. соч. С. 52–53.
- ⁶⁶ *Шаумян Сур.* Указ. соч. С. 113.
- ⁶⁷ *Стрелянов П. Н.* Корпус генерала Баратова. 1915–1918. М., 2002. С. 72–73.
- ⁶⁸ *Шаумян Сур.* Указ. соч. С. 113.
- ⁶⁹ Цит. по: *Стрелянов П. Н.* Указ. соч. С. 73.
- ⁷⁰ *Денстервиль Л.* Указ. соч. С. 106.
- ⁷¹ *Кузнецов Б. М.* 1918 год в Дагестане (Гражданская война). Нью-Йорк, 1959. С. 65–69.
- ⁷² Там же. С. 117.
- ⁷³ Там же. С. 89.
- ⁷⁴ *Шаумян С.* Письмо в Совет Народных Комиссаров 7 июня 1918 г. // Письма... С. 82.
- ⁷⁵ *Шаумян С.* В Совет Народных Комиссаров 24 мая 1918 г. // Там же. С. 75.
- ⁷⁶ *Шаумян С. Г.* Письмо В. И. Ленину. 23 июня 1918 г. // Там же. С. 103.
- ⁷⁷ *Шаумян С. Г.* Телеграмма В. И. Ленину. [14 июня] 1918 г. // Избранные произведения. Т. 2. С. 333.
- ⁷⁸ *Шаумян С. Г.* О политическом и военном положении в России и Закавказье. Доклад на Чрезвычайном заседании Бакинского Совета рабочих, красноармейских,

матросских и крестьянских депутатов совместно с районными Советами, судовыми комитетами и Военно-революционным комитетом Кавказской Красной Армии 16 июля 1918 г. // Избранные произведения. Т. 2. С. 346.

⁷⁹ Денстервиль Л. Указ. соч. С. 146.

⁸⁰ Шаумян Сур. Указ. соч. С. 115–116.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 117.

⁸³ Шаумян С. Г. О политическом и военном положении... С. 346–352.

⁸⁴ Стенограмма Чрезвычайного заседания Совета Рабочих, Красноармейских, Матросских и Крестьянских депутатов совместно с Районным Советом, Судовым Комитетом и Военно-Революционным Комитетом Кавказской Красной Армии // Шаумян С. Г. Статьи и речи... Приложение 2. С. 255–283.

⁸⁵ Там же. С. 287.

⁸⁶ Там же. С. 262–263.

⁸⁷ Там же. С. 282.

⁸⁸ Там же. С. 263–264.

⁸⁹ Там же. С. 264.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Шаумян Сур. Указ. соч. С. 45.

⁹² Там же. С. 54.

⁹³ Шаумян Сур. Указ. соч. С. 44.

⁹⁴ Денстервиль Л. Указ. соч. С. 174–175.

⁹⁵ Кадишев А. Б. Указ. соч. С. 127.

⁹⁶ Там же. С. 164.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Денстервиль Л. Указ. соч. С. 107.